

Смотри, постарайся дѣлать добро ближнему дѣломъ и словомъ. Говори, назидай, учи, наставляй о спасеніи души, и ты подражаешь Самому Господу Иисусу Христу и Богу Отцу“*).

„Великая польза отъ чтенія духовныхъ книгъ“.

„Намъ нужны божественныя врачевства, чтобы мы могли и врачевать раны, уже полученные, и предотвращать еще не полученные, но угрожающія, издали обезсиливая и отражая дѣвольскіе стрѣлы постояннымъ чтеніемъ божественныхъ писаній. Ибо невозможно, невозможно спастись никому, кто не упражняется постоянно въ духовномъ чтеніи; но и то еще хорошо, если мы, пользуясь непрестанно этимъ врачевствомъ, успѣемъ спастись когда-нибудь. Если же получая каждый день раны, мы не будемъ пользоваться никакимъ врачевствомъ, то какая намъ надежда на спасеніе?...

Итакъ, не будемъ пренебрегать приобрѣтеніемъ священныхъ книгъ, чтобы намъ не получить смертельныхъ ранъ, не будемъ зарывать золото въ землю, но станемъ собирать себѣ сокровище духовныхъ книгъ. Золото, когда умножается, тогда особенно и вредитъ приобрѣтшимъ его; а эти книги приносятъ великую пользу имѣющимъ ихъ у себя. Какъ хранящіяся гдѣ-нибудь царскія оружія, хотя бы и никто не пользовался ими, доставляютъ великую защиту живущимъ въ томъ мѣстѣ, потому что ни разбойники, ни подкапыватели стѣнъ, ни другіе какіе-либо злодѣи, не осмѣливаются напасть на этотъ домъ; такъ, гдѣ есть духовныя книги, оттуда прогоняется всякая сила дѣвольская, и живущимъ тамъ бываетъ великое назиданіе въ добродѣтели. Даже одинъ видъ такихъ книгъ дѣлаетъ насъ болѣе воздержными отъ грѣха; если мы и дерзаемъ на что-нибудь запрещенное и сдѣлаемъ себя нечистыми, то, возвратившись домой и взглянувъ на эти книги, мы болѣе осуждаемъ себя въ совѣсти и дѣлаемся менѣе склонными къ повторенію тѣхъ же грѣховъ; а если, напротивъ, будемъ жить благочестиво, то получимъ оттуда еще большую пользу. Какъ только кто касается Евангелія, то тотчасъ благоустраиваетъ умъ свой, и при одномъ только взглядѣ на него — отрѣшается отъ всего житейскаго. Если же присоединится и внимательное чтеніе, то душа, какъ бы вступая въ таинственное святилище, очищается и дѣлается лучшею, такъ какъ съ нею бесѣдуетъ Богъ чрезъ эти Писанія. А что, скажутъ, если мы не понимаемъ содержащагося въ нихъ? Даже

*) Св. Іоаннъ Златоустъ. Слово 58, стр. 150, ч. 2.

если ты и не понимаешь содержащагося въ нихъ, отъ самаго чтенія бываетъ великое освященіе. Впрочемъ невозможно, чтобы ты одинаково не понималъ всего; благодать Духа для того именно и устроила, что эти книги сложили мытари, рыбаки, скинотворцы, пастыри овецъ и козъ, люди простые и неученые, чтобы никто изъ простыхъ людей не могъ прибѣгать къ такой оговоркѣ, чтобы всѣмъ было удобопонятно то, что говорится, чтобы и ремесленникъ, и слуга, и вдовая женщина, и необразованнѣйшій изъ всѣхъ людей получили пользу и назиданіе отъ слушанія; ибо не для суетной славы, какъ внѣшніе мудрецы, но для спасенія слушателей сложили все это тѣ, которые въ началѣ удостоились благодати Духа. Внѣшніе философы, и риторы, и писатели, искавшіе не общей пользы, но имѣвшіе въ виду только возбудить удивленіе къ самимъ себѣ, если и говорили что нибудь полезное, прикрывали это, какъ бы какимъ мракомъ, обычною неясностью. Но апостолы и пророки дѣлали все напротивъ: они преподали ученіе ясное и понятное для всѣхъ, какъ общіе учителя вселенной, чтобы каждый и самъ собою при одномъ чтеніи могъ понять сказанное.—Предвозвѣщая это и пророкъ говоритъ: „да будутъ вси научены Богомъ, и не научить кійждо ближняго своего, глаголя: познай Господа; яко вси познають Мя отъ мала даже и до великаго ихъ“. (Исх. LIV, 13; Іер. XXXI, 34; Іоан. VI, 45). И Павелъ говоритъ: „и азъ пришедъ къ вамъ, братіе, пріидохъ не по превосходству словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе“, и еще: „и слово мое, и проповѣдь моя не въ прѣтельныхъ человѣческихъ премудрости словесѣхъ, но въ явленіи Духа и силы“, и еще: „премудрость же глаголетъ не вѣка сего, ни князей вѣка престающихъ“. (I Кор. 2, 1, 4, 6).

Не будемъ же возлюбленные, пренебрегать своимъ спасеніемъ; все это написано для насъ, „въ наученіе наше, въ нихъ же, концы вѣкъ достигоша“ (I Кор. X, 11). „Великая защита отъ грѣховъ—чтеніе Писаній, а незнаніе писаній—великая стремнина и глубокая пропасть; великая потеря для спасенія—не знаніе ничего изъ божественныхъ постановленій. Это незнаніе породило ереси; оно привело и къ развратной жизни; оно перевернуло все вверхъ дномъ; ибо невозможно, чтобы безъ плода остался тотъ, кто постоянно съ усердіемъ занимается чтеніемъ Писаній“.*)

*) Св. Іоаннъ Златоустъ. Томъ I, стр. 811—814.

II

*„Монашеская жизнь должна быть посильнымъ подраженіемъ жизни ангельской“ **).

Празднуя въ честь безплотныхъ Силь небесныхъ, мы совершаемъ какъ-бы свой собственный монашескій праздникъ. Жизнь монашеская есть жизнь равноангельская, конечно — по духу, а не по силѣ. Жизнь монашеская есть отображеніе жизни ангельской лишь въ такой степени, въ какой слабый человѣкъ, облеченный плотію, можетъ подражать жизни безплотныхъ духовъ.

Архангелы и ангелы, херувимы и серафимы и всѣ воинства небесныя немолчно славословятъ Господа. И для возлюбившихъ монашеское житіе главнымъ дѣломъ всегда было и будетъ молитвенное устремленіе ума и сердца къ Богу. Молитва общецерковная, молитва келейная, молитва устъ, молитва ума и сердца, молитва теплая, благоговѣйная и напряженная должна наполнять жизнь монашескую настолько, что всякое другое занятіе можетъ считаться у монашествующихъ лишь дѣломъ второстепеннымъ, лишь подѣлимъ. И души многихъ, многихъ монашествующихъ пламенемъ молитвы объяты въ такой степени, что для нихъ нечувствительными дѣлаются самыя лютыя страданія тѣлесныя, легкимъ кажется деннонощное предстояніе предъ Богомъ въ молитвенномъ подвигѣ и никакимъ сладостямъ жизни земной уже не внимаетъ ихъ сердце. Къ небу сердца обращая, они ангельскимъ чинамъ подражаютъ и возвышаются надъ всеми земными нуждами настолько, что имъ уже и на мысль не приходитъ просить у Бога чего — нибудь, ибо ихъ уста и сердца непрестанно зываютъ лишь пѣснь Трисвятую. Другіе иноки, не достигшіе такой высоты, постепенно укрѣпляются въ молитвенномъ дѣланіи и, по мѣрѣ преуспѣянія въ немъ, болѣе и болѣе отрѣшаются отъ земли съ ея скорбями и утѣхами и на небо очи свои возводятъ, ожидая оттуда помощи и свѣта и утѣшенія.

Молятся и міряне благочестивые, но вся обстановка жизни мірской не оставляетъ простора и свободы для непрестанной и безпрепятственной молитвы. Заботы о близкихъ, труды служебные, отношенія общественныя,

*) Слово сказано въ Вольскомъ Владимірскомъ женскомъ монастырѣ на бдѣніи на день безплотныхъ Силь Небесныхъ, на 8 ноября 1907 г.

обычай мірскіе — все, все препятствуетъ найти довольно времени для молитвы и даже въ избранный часъ настолько смущаетъ душу, что молитва при всемъ желаніи не можетъ быть стройною, напряженною, сосредоточенною. Духъ ищетъ молитвы, а умъ развлекается и вниманіе молитвенное слабѣетъ скоро. Многіе міряне, не надѣясь обрѣсти покой для молитвеннаго подвига среди міра даже и на нѣсколько дней, нерѣдко удаляются въ обители иноческія хотя на время говѣнія, чтобы здѣсь отрѣшиться отъ шума страстей мірскихъ и отложить всякое житейское попеченіе: забывъ все мірское, безъ развлеченія, безъ препятствій они отдаются всею душою молитвѣ и вмѣстѣ съ иноками являются подражателями ангеловъ, прославляющихъ Господа немолчнымъ гласомъ... Да, поистинѣ въ монастырѣ молитва составляетъ главную основу жизни, и если бы въ монастырѣ были все добродѣтели, но не было бы молитвы постоянной, напряженной, монастырь этотъ мало отличался бы отъ обществъ мірскихъ.

Молитва — главное дѣло монашеское. Но что требуется отъ насъ, монашествующихъ, чтобы это дѣло было чистой, святой жертвой Богу? Молитва наша должна быть плодомъ нашего внутренняго устремленія къ Богу, должна быть искреннею, не устами только, но и сердцемъ возноси-мою. Но можетъ ли молитва начинаться въ сердцѣ, если оно не очищается тщательно отъ всякой скверны, если въ сердцѣ злоба, ненависть, зависть, похоть нечистая, пристрастіе къ земнымъ стяжаніямъ, глубокое самолюбіе свили гнѣздо и не разрушаются, не уступаютъ мѣста святости и чистотѣ, миру и любви, кротости и смиренію? Конечно — нѣтъ. И на насъ монашествующихъ, лежитъ преимущественный долгъ бороться со страстями, побѣждать ихъ при помощи Божіей, очищать душу отъ всякой скверны и дѣлать ее благоухающимъ сосудомъ Духа Божія. Не заботимся объ этомъ, не процвѣтаетъ и молитва, не процвѣтаетъ и обитель. Очищаемъ себя отъ всякой страсти, отъ всякаго земного пристрастія, отъ гнѣва, ненависти, злобы, зависти, высокомерія и гордости, преуспѣваемъ въ чистотѣ и любви терпѣніи и смиреніи и кротости, — душа наша, очищенная и укрѣпленная, дѣлается болѣе способною и склонною къ небеснымъ созерцаніямъ, къ пламенному славословію Бога.

Конечно, намъ нельзя пренебрегать молитвою и тогда, когда видимъ себя оскверненными отъ міра, сраженными грѣхомъ, чуждыми святости и правды: въ этихъ случаяхъ молитва будетъ для насъ врачеваніемъ и утѣшеніемъ и привлечетъ къ намъ Божію благодать и Божіе благоволеніе. Чѣмъ болѣе мы молимся, тѣмъ болѣе очищаемся отъ всякой скверны грѣ-

ховной. А чѣмъ болѣе очищаемся, тѣмъ теплѣе и искреннѣе дѣлается и наша молитва, тѣмъ совершеннѣе подражаемъ мы ангельскимъ чинамъ.

И какъ привлекательна для обитающихъ въ монастырѣ эта высшая степень совершенства иноческаго, когда душа, отрѣшившись отъ всѣхъ страстей и попеченій земныхъ, всецѣло устремляется къ Богу на крыльяхъ молитвы и удѣляетъ землѣ вниманія лишь настолько, чтобы тѣло могло выносить этотъ молитвенный пламень и чтобы пребываніе человѣка на землѣ было источникомъ назиданія и утѣшенія для прочихъ братьевъ и сестеръ! Всѣ мы, посвятивши себя иноческому подвигу, должны желать достигнуть такой высоты. Если кто предварилъ насъ, это не должно смущать насъ: мы должны радоваться объ успѣхахъ соратниковъ нашихъ въ духовной брани и ихъ успѣхами поддерживать къ себѣ вѣру въ возможность успѣха и для насъ. Въ монастырѣ много степеней духовнаго преуспѣянія, и блаженъ тотъ, кто болѣе и болѣе подвигается по нимъ впередъ и впередъ.

Соотвѣтственно внутреннему преуспѣянію существуютъ въ обителяхъ и различныя внѣшнія степени отъ низшихъ до высшихъ. Эти внѣшніе чины монашескіе не сами по себѣ имѣютъ значеніе, не сами по себѣ привлекательны: они составляютъ какъ-бы знакъ, какъ-бы печать той духовной высоты, на какой стоимъ мы. Поэтому возвышеніе брата или сестры по этимъ внѣшнимъ степенямъ ни въ какомъ случаѣ не должно возбуждать зависти или ненависти или какого бы то ни было недобраго чувства въ отношеніи къ достигшимъ въ тѣхъ, кто еще не достигъ. И внѣшнее можетъ прійти, и если кого-нибудь изъ насъ люди забыли отмѣтить своимъ благоволеніемъ его вѣнчаетъ Богъ милостію и щедротами, ибо Онъ знаетъ Своихъ рабовъ и рабынь. Его духовная высота подъ спудомъ не скроется и окажетъ возвышающее дѣйствіе на всѣхъ, кто будетъ съ нимъ соприкасаться. Одинъ, поревнуетъ ему въ добродѣтеляхъ, его украшающихъ; другой поучится у него особенно смиренію и терпѣнію и презрѣнію къ славѣ міра сего; иной прославить Бога, премудро ведущаго рабовъ Своихъ къ почестямъ небеснымъ. Никто изъ обитающихъ въ монастырѣ пусть не ищетъ внѣшняго возвышенія, а лучше пусть позаботится о внутреннемъ преуспѣяніи—не ради славы, а ради спасенія своего: внѣшняя высота не всегда свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ и по духу высокъ. Будемъ-же всѣ молить Бога, чтобы Онъ ими же вѣсть судьбами помогъ намъ обновиться духомъ, сердцемъ на небо устремиться и въ будущемъ вѣкѣ вѣнецъ нетлѣнный пріять со всѣми Ему благоугодившими. Аминь.

Епископъ Палладій, Пермскій.